

Константин Львович Селезнев

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Австрия складывалась как централизованное государство в эпоху господства феодальных отношений, когда процесс образования наций на ее территории только лишь начинался. Поэтому Австрия создалась как многонациональное государство, в котором господствующую роль играли наиболее развитые в экономическом и политическом отношении немцы; остальные, более слабые нации, были им подчинены. Вследствие этого Австрия, как и Россия, представляла собой «...первонаучальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений»¹. Ленин пишет, что «...национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»². Эти слова можно легко иллюстрировать состоянием австрийской монархии до революции 1848 года, когда она являла собой пример отсталости, заскорузлости, патриархальщины и дикости, на фоне которых выделялись лишь отдельные промышленно-развитые, более цивилизованные районы. Наиболее развитыми, кроме немецких, были итальянские провинции — Ломбардия и Венеция. Сравнительно развита была и Венгрия. Здесь первые промышленные очаги возникли уже в 40-х годах, когда началось строительство, связанное с развитием сообщения по Дунаю: регулирование Тиссы,

строительство дорог, каналов, мостов. С этого времени начинает расти торговая и промышленная буржуазия, появляется рабочий класс. В остальных частях Австрии — в первую очередь в славянских областях — еще господствовали феодальные отношения, а в некоторых, наиболее отсталых сохранился и родовой уклад.

Самая австрийская промышленность долго сохраняла феодальные формы. Лишь прокладка железных дорог постепенно разрушала «гранитные стены, позволяющие каждой провинции сохранять свой особый национальный состав и вести замкнутую местную жизнь»³.

Свободное крестьянское землевладение и аренда существовали лишь в Истрии, Южном Тироле, Триесте, в винодельческих районах Нижней Австрии и в «Военной Границе»⁴. Крупное землевладение, основанное на барщине, господствовало в Богемии, Моравии, Силезии, Галиции. В Чехии, которая по сравнению с другими славянскими народами была более развита, все же из 9 миллионов югеров земли (даже по более поздним данным 1864 года) 3 миллиона принадлежало крупным землевладельцам, главным образом немцам. Такой помещик, как князь Шварценберг, владел всей юго-западной Чехией. В Моравии крупное землевладение занимало 1,4 миллиона югеров и 3,8 миллиона всей площади (данные 1857 года); крупнейшим феодалом здесь был князь Лихтенштейн. Сельское население распадалось здесь на «панов», владеющих 41% всей земли, «седлаков», или средних крестьян, владеющих 35%, и «халупников», бедноту, которой принадлежали остаточные 24% земли. Так например из 47 800 крестьян Пильзенского округа у 20 тысяч участок был менее $\frac{1}{5}$ югера (данные Будиловича)⁵. В Силезии крупное землевладение охваты-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 254.

² По-граничной полосе от Кульпы до Адриатического моря вдоль Турецкой Славонии.

³ Югер равен примерно 3 га.

⁴ Славянский сборник. Т. I, стр. 260. СПБ. 1875.

вало 449 тысяч югеров земли из 895 тысяч, т. е. свыше половины.

У целого ряда славянских народов общественные отношения были еще менее развиты. Так, у хорватов господствовала еще семейная община-задруга, а у словенцев, сербов и русинов сохранились даже родовая община, крупные семьи, натурально-хозяйственные отношения. Население было поголовно безграмотно и «опекалось» православными и католическими священниками.

Характеризуя состояние славянских народов во время революции 1848 года, Маркс писал: «...все эти народы находятся на самых различных ступенях цивилизации, начиная с весьма высоко развитой (благодаря немцам) современной промышленности и образованности Чехии и кончая почтиnomадным варварством хорватов и болгар; поэтому в действительности все эти нации имеют самые противоположные интересы»¹. Что их, однако, уже тогда об'единяло, — это общая ненависть против угнетателей.

Размеры налогового обложения национальных областей в 2—3 раза пре-восходили средние цифры обложения населения Австрии. В Моравии к 1848 году существовало 242 вида поборов с крестьян, в Крайне — 71 вид денежных и 52 вида натуральных повинностей, не считая сборов в пользу общины и податей государству. Адам Мицкевич называл австрийскую монархию «сообществом, действующим по образцу английской Остинской торговой компании. Сотни семей при помощи двух миллионов чиновников и солдат управляет всей страной — тридцатью четырьмя миллионами человек»².

2

Наиболее развитый из славянских народов — чехи — по уровню экономического развития значительно уступали венграм и политически лишенны были даже той относительной автомо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 277.

² «Лекции о славянской литературе». 1842.

Моравия. Городские жители. Худ. листок Тимма. 1862 год.

мии, которая существовала у венгров в виде мадьярского сейма.

Чешское национальное движение началось борьбой буржуазии за возрождение языка. Найденная ученым Ганка в 1819 году в Кралеводворе рукопись народных песен (оказавшаяся впоследствии подложной) была широко использована для патриотической пропаганды. В 30-х годах было организовано чешское национальное издательство.

В 1843 году возникло тайное радикальное общество ремесленников и интеллигентов «Рипиль», стремившееся к автономии Моравии, Богемии и Силезии. Выдвинувшее чехами требования отделения чешских земель таможенной границей встретило энергичную поддержку также и немецкой буржуазии чешских областей, стремившейся создать наиболее благоприятные условия для промышленного развития области. В «Рипиль» наряду с чехами Гавличеком и Кнедльганцом входили немцы — Беккель и Рупперт. В мае 1845 года депутация Богемии обратилась к имперской канцелярии с требованием об'единения Моравии, Богемии и Силезии и предоставления им автономии, но не получила никакого ответа. Таким же безуспешным оказалось и обращение к союзному сейму. В связи с этим зрела вражда этих

наций к габсбургской монархии, приведшая затем к пражскому восстанию.

Что касается словаков, хорватов, словенцев, сербов, то эти народности ко времени революции 1848 года еще не достигли той ступени общественного развития, когда этнографическая общность становится национальной связью. Нации складываются, как мы знаем, лишь в эпоху подъемающегося капитализма. Здесь национальное движение выражалось лишь в том, что отдельные «образованные люди» пытались выступить от имени нации. Оно носило с самого начала искусственный характер и никаких следов не оставило.

С развитием мадьярской буржуазии рос и ее буржуазный национализм. В 40-х годах она начала добиваться равноправия с немцами и вместе с тем господствующего положения своей нации по отношению к более слабым нациям, главным образом к славянам.

В 1841 году граф Зей выдвинул план мадьяризации славян. Этот план был поддержан Кошутом в его газете «Пешти хирлап». Газета предлагала предписать учителям народных школ в течение одного года выучить детей молиться по-мадьярски, в течение 3 лет — читать, петь и говорить по-мадьярски. Газета «Хирнек» пошла еще дальше. «Пусть мадьяры попросят, — предлагала она, — позволения у его величества послать 60 тысяч мадьярского войска на постой в комитаты, в которых народ не говорит по-мадьярски. В 3 года омадьярится 60 тысяч домов — 300 тысяч душ. Затем перевести войска в другие комитаты, так, чтобы в 12 лет омадьарились миллион двести тысяч душ. Считая каждому солдату по 5 гульденов в год, мадьяризация обойдется всего в 3,6 миллиона гульденов»¹.

В ответ на эту кампанию кучка католических попов и хорватских «общественных деятелей» выдвинула лозунги воссоздания «иллирийского племени» (по имени искусственно созданной Наполеоном в 1809 году Ил-

лирийской провинции в составе Каринтии, Крайны, Истрии, Хорватии, Далмации и Дубровника, уничтоженной после его падения).

В их программе были выставлены требования признания хорватского языка государственным, учреждения особого наместничества для Хорватии, присоединения к ней Далмации, Боснии, Герцеговины и словенских земель. В 1836 году виднейший из числа участников «Иллиризма», Людовиг Гай, выпустил «Иллирийскую газету», но, обеспокоенное великодержавными аппетитами хорват, австрийское правительство переименовало ее в «Хорвато-славяно-далматскую». Пользуясь своим излюбленным методом, оно разжигало национальную рознь и вражду между хорватами и мадьярами. В 1842 году хорватским баном (наместником) был назначен мадьяр Галлер. Указом короля Фердинанда воспрещалось употребление слова «Иллирия» (1843 год); в школах дозволялось вести преподавание только на латинском, немецком и мадьярском языках. Прессбургский ландтаг об'явил в 1847 году мадьярский язык государственным для всего королевства, допустив употребление во внутреннем делопроизводстве Хорватии латинского, но не хорватского языка. Славония был дан шестилетний срок, по истечении которого и там должен быть введен мадьярский язык.

Галицийские русины — полукрепостные крестьяне, подвластные польской шляхте, объект жесточайшей эксплуатации, — движимые ненавистью к помещикам, восстали в 1846 году и перебили около 800 шляхетских семей.

Раздираемая внутренними национальными и классовыми противоречиями, габсбургская монархия шла к распаду и гибели. Имущие классы различных имперских земель в слепой национальной вражде теряли последние остатки способности властвовать. Национальный гнет вызывал отпор в широких масах народа, а «...тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»². Придвор-

ная камарилья и прающие круги столицы ощущали приближение грозы. Пьеса Бауэрфельса «Совершеннолетний», в которой есть такое место: «Народы Австрии достигли совершенномства и устали от безответственной опеки, смиряющей протесты тюрьмой, крепостью и сумасшедшим домом», — была встречена шумными демонстрациями и приводила зрителей в возбуждение.

Но правительство имело в запасе одно чудесное средство: «Разделяй и властвуй!» Один из приближенных Меттерниха задавал на страницах венской газеты вопрос: в чем причина того, что внутренний мир в империи до сих пор не был нарушен? Ее следует искать, — отвечает он, в «крайнем разнообразии и разнородности взглядов у отдельных национальностей, населяющих Австрию. Население, составленное из многих, враждебных между собой наций, никогда не будет единодушно. Подобно сильному наезднику, умеющему вовремя и натянутую и отпустить вожжи, монархическое правительство Австрии руководит волей ее народов»¹.

3

В 30-х годах в славянских провинциях Австрии возникло пресловутое панславистское движение, сыгравшее впоследствии столь гнусную роль в годы революции 1848—1849 годов.

Его первой формой были литературно-филологические изыскания. «Филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создании политической партии, очевидной целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю»². Филологи пытались создать из десяти имеющихся литературных языков и множества наечий один новый, живой славянский язык, общий для всех славянских народов.

Эпос и лирика воспевали идею един-

¹ Цитировано по М. Баху «История словаков», «Сборник исторических и статистических сведений о России», стр. 178. Т. I. Москва. 1845.

² Ленин. Т. XIX, стр. 222.

Силезия. Сельские жители. Худ. листок Тимма. 1862 год.

ства славян и могучей славянской империи. В «Славянском сборнике» (1875 год) напечатан был перевод любопытного произведения словацкого поэта Колара. Приведем небольшой отрывок из него: «О Славия! Далеко и широко раскинулась ты — от Урала до Татр, от Праги до Москвы, от Балты до Азова, от Петербурга до Константинополя, от Дубровника до Камчатки.

Если бы славянские ветви были золотом, серебром и другими металлами, я изо всех вылил бы одного истукана. Головой была бы Россия, плечами и руками чехи, туловищем поляки, ногами сербы... Перед этим истуканом, который ростом был бы вровень с облаками и шагами потрясал бы землю, должна была бы преклониться вся Европа!»

Итак, голова «истукана» обнаружена. Это Россия, царская Россия, тюрьма народов!

Она протягивала щупальцы к этому движению, прибирала его к рукам, вдохновляла его, оплачивала. В Петербурге был организован «Славянский благотворительный комитет». Полковники в штатском произносили горячие речи о «братьях-славянах». В речах этих неприкрыто звучали великодер-

жавные мотивы. «Между тем как русский народ (!) приобретает Амур, покоряет и просвещает Кавказ, славяне в Австрии принуждены агитировать в пользу своих наречий в почтамте, на вывесках, об'явлениях публичных мест. Не предвидя для южных славян никакой возможности освободиться от духовной подчиненности итальянской, немецкой и мадьярской образованности, мы принуждены указать как на единственный исход из этого печального положения на необходимость для них принять русский язык органом науки, языком дипломатическим», — разливался один из членов славянского комитета.

В Словакию, Славонию, Сербию отправлялись русские священники, проникали негласные агенты, посыпались «канонимными доброжелателями» книги, газеты, деньги («стипендии» для гимназистов-славян). В Москве издавался «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и соплеменных» (1845 год). Чиновник «собственной его величества канцелярии», полуофициальный представитель царского панславизма в Европе поляк Адам Гуровской, издал в 1841 году книгу «Цивилизация и Россия». «Габсбурги, — пишет он, — это несчастный случай в истории, а Австрия — вамины, тяготеющий над нею... Все в ней есть аномалия». Напротив, «Россия не может погибнуть. На ее стороне гений истории, будущность расы».

Разворачивающееся славянское движение в Кроации наводило австрийское правительство на некоторые размышления. В 1842 году оно позволило себе упрекнуть Россию в том, что «выходцы из России и Польши мутят народ». Николай I с негодованием отверг это обвинение. «Никогда его правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революционную агитацию в соседнем дружеском государстве!»¹.

И, действительно, панславистское движение оказалось большую услугу не революции, а контрреволюции.

Внутренняя фальшивь панславизма обнаруживалась на каждом шагу. Это движение не имело за собой никого, кроме кучки интеллигентов, священников и царских агентов. Панславизм не был и не мог стать народным движением. Призыва к сопротивлению австрийскому правительству, он не поднимал массы на подлинную борьбу с национальным гнетом, а эвал лишь к перемене «хозяина». Он облачался в старинные славянские одеяния и грезил о свободной общине вятичей и кривичей, но «за спиной фантазеров стояли негодяи»², он призывал к братству народов, а на деле разжигал злую вражду и национальный фанатизм.

«Австрийскому панславизму не хватало существенных элементов успеха: масс и единства. Масс не хватало потому, что панславистская партия, ограниченная по своему составу частью интеллигентии, не обладала никаким влиянием на народ и не имела силы одновременно оказать сопротивление австрийскому правительству и немецкой и венгерской национальностям, ограничения которых она требовала. Единства не было потому, что ее принцип единства был чисто идеальным и при первой же попытке осуществления потерпел крушение благодаря различию в языках»³.

Будучи несостоительным по своей внутренней природе, австрийский панславизм представлял, тем не менее, серьезную опасность: он был силен незримой поддержкой царского самодержавия. И эта именно сила обусловила ту роль, которую суждено было ему сыграть в революции 1848—1849 годов.

4

Первые известия о мартовской революции в Вене вызвали большое возбуждение в столице Богемии — Праге.

Созванное «Ритилем» 11 марта 1848 года народное собрание в трактире «Золотой гусь» выдвинуло программу буржуазно-демократических требова-

ний к венскому правительству. Среди них — требования отмены барщины, установления политических свобод, образования гражданской гвардии, введения в школах и судах чешского языка наравне с немецким. Эти требования единодушно поддерживались чешской и немецкой буржуазией, поскольку они были направлены против феодальной монархии. Образованный затем венцельсбадский комитет отредактировал текст петиции. При этом были смягчены требования по крестьянскому вопросу и усилены требования националистического характера.

Венский кабинет опубликовал 8 апреля под давлением этого движения «Богемскую хартию», обещая образовать самостоятельную область в составе Богемии, Моравии и Силезии. Однако конституция министерства Пильлердорфа, опубликованная 25 мая, обощала этот вопрос полным молчанием, а манифест Франца-Иосифа II обещал, напротив, «связать все земли и племена монархии в один великий государственный организм».

В среде чешской буржуазии росло разочарование, исчезла надежда на получение свобод «мирным путем», из рук властителей. Одна — меньшая — часть, радикально-демократическая, выступила за революционный путь борьбы с габсбургской монархией, за сближение с революционными кругами остальных подвластных Австрии провинций. Другая часть — умеренная — вынашивала план соглашения с австрийской монархией, план выторговывания у нее автономии и тому подобных конституционных уступок. Эта часть выдвинула лозунг сближения с южными славянами; она была против присоединения Австрии к будущему единому германскому государству. Эта группа националистической либеральной буржуазии, обединявшаяся вокруг Палацкого, выдвинула лозунг бойкота выборов в рейхстаг и во Франкфуртское учредительное собрание. Из 62 чешских избирательных округов выборы произошли только в 30; в Праге подано всего три избирательных записи. Палацкий сложил с себя обязанности члена комитета «50» по созыву франкфуртского парламента; немецкая буржуазия солидаризи-

Мадьярские крестьяне. Худ. листок Тимма. 1859 год.

ровалась с чешской и отказалась от выборов во франкфуртское собрание.

Демонстрации студенчества в Вене 26 мая послужили поводом к разрыву Богемии с венским правительством и возникновению временного правительства. Курс чешской буржуазии на устранение от революционных бурь, потрясающих здание империи, становился все более отчетливым. Духом сепаратизма были пропитаны появившиеся в это время политические куплеты «Шуселька нам пишет»: «Он призывает нас на помощь немцам, у которых расхлебывают ту кашу, которую они сами же заварили».

Вспыхнувшее под влиянием радикальной демократической партии 12—13 июля восстание в Праге, расстрелянное пушками австрийского генерала князя Виндишгреца, было широко использовано националистической, антиреволюционной буржуазией для возбуждения ультрапротестантских, шовинистических чувств. Вся политика австрийской буржуазии доставляла ей все новые и новые свидетельства грубого пренебрежения интересами малых национальностей во всех концах империи. Примером этого служила армия: богемских рекрутов, как правило, отправляли в Австрию, австрийских — в Венгрию, венгерских — в Болгарию. Размещением на постах, побо-

¹ Мартенс «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IV, ч. I, стр. 502. СПБ. 1878.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 392.

рами и тому подобными мероприятиями искусственно разжигалась национальная вражда. Делались попытки разжечь ее и среди рабочих.

Теснимы нуждой, чешские и словацкие крестьяне и батраки массами шли в «отход» и со своей родины, где трудно было найти заработок, стекались в Вену и другие крупные австрийские города и громестья. Они копали пруды, жали хлеб в страдную пору, работали на постройках железных дорог. Предприниматели и помещики, пользуясь притоком рабочей силы, снижали заработную плату.

В связи с патриотическим шумом, поднятым почти всей немецкой печатью по поводу революционных событий в Праге, Маркс в «Новой рейнской газете» приводит корреспонденцию одного пражского немца-демократа, который возмущенно пишет:

«Немецкая реакция стремится спровоцировать узко-националистические тенденции... для того, чтобы подавить революцию внутри Германии... Свободная пражская печать не имеет других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания прав обеих национальностей¹. Но голос этой печати слишком слаб. Он не может побороть усиливающегося шовинизма, вдохновляемого буржуазными националистами.

Маркс с величайшей тревогой следил за проявлениями усиливающейся национальной вражды, грозящей превратить чехов в орудие венской камарилии и всего реакционного лагеря. При поездке в Вену 28 августа — 7 сентября он беседовал с Боррошем, лидером фракции богемских немцев в австрийском парламенте, который жаловался ему на фанатическую враждебность чехов к богемским немцам. На вопрос о богемских рабочих Боррош ответил, что «как только рабочие вступают в движение, так вражда прекращается; тогда нет больше и речи о чехах и о немцах, все действуют заодно»². Но пролетарская струя дви-

жения еще была слаба, да и рабочие нередко были заражены национализмом и скорее чувствовали, чем сознавали общность классовых интересов.

С удвоенной силой Маркс обрушился на реакционное великодержавно-немецкое презрение к угнетенным народностям, ассимиляторство, идеологию порабощения малых народов. Он бичевал с беспощаднойрезкостью «рабский дух» германского народа, его готовность играть роль послушного орудия в руках прусских и австрийских захватчиков. Центр тяжести интернационального воспитания тружеников угнетающей страны, какой являлась Германия, Маркс переносит на отставание ими свободы отделения угнетенных стран. Вот почему он подчеркивал, что «вина за эти гнусности, с помощью Германии учтенные в других странах, падает не только на правительство, но в большой мере и на самый германский народ»³.

Вину за то, что чехи толкаются в об'ятия русских, Маркс возлагает на немцев, «либо немцы предали их русским», так заканчивает Маркс свою знаменитую статью «Пражское восстание»⁴.

С весны 1848 года в южных славянских провинциях Австрии наступило заметное оживление. Словенцы подали императору адрес: «Мы бы желали, — пишут они, — чтобы славянская территория, раздробленная ныне по трем губерниям: лайбахской, грацкой и триестской, — была выделена в особую коронную (!) землю, которая носила бы название Славонии и обладала бы отдельным ландтагом».

Словаки собрали 10 мая широкий с'езд, на котором выработали перечень требований: официальное признание словацкой национальности, введение словацкого языка в учреждениях и школах, сближение с хорватами и сербами. Организован был восемьдесятничный вооруженный отряд Гурбана для «защиты этих требований». В обход венгерского сейма словацкая депутация (Йосефи, Гурбан, Халупка, Фе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 245.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 397. Под ред. Адоратского. Соэктгиз. 1931.

³ Там же, стр. 185 и 186.

Болгарские крестьяне.

Худ. листок Тимма. 1854 год.

ренчик) повезла петицию к королю и удостоилась ласкового приема у Меттерниха.

В Галиции народное собрание 18 марта во Львове потребовало конституции, образования национальной гвардии и полонизации школы и государственных учреждений. Требования выражали интересы польского дворянства; ни одно крестьянское требование (крестьяне — почти исключительно русины) не было выдвинуто. Один крестьянин — депутат львовского сейма — воскликнул с горечью: «Нема русин, есть только польска и москва!»

В Сербии «национальный конгресс», собравшийся 13 мая в Карловице, обяжал Сербию независимой от пештского министерства и снял пограничные заставы, разделявшие Сербию и Крацию.

Центром движения южных славян стала Крация. Здесь оформилась хорватская народная партия во главе с Елаичем. Ее программа предусматривала об'единение всех частей Хорватии и уничтожение Военной Границы, создание ответственного министерства, постоянного хорватского ландтага, обеспечение прав хорватского

языка в школе, церкви и учреждениях и, наконец, освобождение крестьян от феодальных повинностей. 5 июня в Загребе заседал краятский сейм, принявший план нового государственного устройства.

Завершением этих сеймов, ландтагов и собраний явился пресловутый славянский конгресс, открывшийся 2 июня 1848 года в Праге.

Уже в извещении о созыве конгресса его инициатор Палацкий называл главной задачей конгресса «опложение и самостоятельность славянских племен» и высказывался против включения Австрии в состав будущей германской империи. Он настойчиво заверял габсбургско-лотарингскую корону в верности ей славян и отводил «ложные упреки в сепаратизме». Серб Утешенович выдвинул проект такого преобразования Австрии, при котором ее политика стала бы исклучительно австрийской... ни славянской, ни немецкой, ни мадьярской, ни итальянской, ни румынской. «Если бы Австрии не было, нам бы нужно было ее создать», — говорил Елаич в одной из своих прокламаций. Наконец, краятский сейм предложил обра-

зовательное южнославянское государство, входящее в австрийскую федерацию.

Что об'ективно означала эта австрийская ориентация? Поддержку одного из реакционнейших правительств Европы, душителя свободы, угнетателя народов. Так складывался контрреволюционный план подавления революции в подвластных Габсбургам национальных государствах и итальянских провинциях Венгрии и их возвращения в лоно империи силами «верноподданных славян», план срыва дела об'единения германского народа, дела освобождения угнетенных народностей. Австрийский двор быстро уразумел суть этого плана: 10 июня манифест короля Фердинанда из Инсбрука призывал южных славян «не опасаться угнетения со стороны мадьяр». Отставленный было за неконституционный образ действий Елаич 20 июня вновь был назначен баном.

Палацкий усиленно защищался от упреков в руссификаторстве. Как мы видели, он действительно предлагал другого хозяина. Но чем этот хозяин—«истукан поменьше»—лучше другого хозяина—«истукана побольше»?

На конгрессе выступало и другое, откровенно панславистское крыло, усердно рядившееся в демократические одежды. Его вдохновителем был Бакунин. Известна суровая оценка Энгельсом его позиции. Сам Бакунин впоследствии признавал, что «Маркс был вполне прав относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом... Надо сознаться, что наши братья, славяне, своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде»¹. Но и от этого полупризнания Бакунин был далек в 1848 году. Тогда он писал: «Ненависть против немцев есть первое основание славянского единства... Немцы уже с давних пор привыкли смотреть на них как на своих крепостных и не хотели им позволить даже и дохнуть по-славянски... Славяне скорее отдадут себя под защиту

русского «кнута, нежели согласятся обратиться в немцев»².

Логическим заключением этого должно было быть обращение к русскому царю, и Бакунин его сделал. «Если бы вы, государь,—писал он в своей «Исповеди»,—захотели тогда поднять славянское знамя, то они (славяне) без условий, без переговоров, но, слепо предавая себя вашей воле... с радостью, с фанатизмом бросились бы под широкие крылья российского орла и устремились бы с яростью не только против ненавистных немцев, но и на всю Западную Европу». В Дрездене, то есть по свежим следам революции—на свободе, а не в тюрьме,—он записывает: «Если бы Николай действительно хотел встать во главе славянского движения, то он мог бы и должен был сделать это как раз в июле или августе»³.

Другой единомышленник Бакунина, поляк Андржеевич, пишет ему: «Я ни в какую реакцию не верю. Король прусский, Врангель, Кауэньяк, Виндишгрец, Елаич—первые революционеры»⁴. Энгельс с полным основанием говорил поэтому, что «...так называемые демократы из австрийских славян суть либо негодяи, либо фантазеры, а фантазеров... в свою очередь, водят за нос негодяи»⁵. «Панславизм—злейший враг и наш, и самих русских. Это надувательство в свое время распыляется в прах, но пока что оно может причинить нам немало неприятностей»⁶.

Энгельс называл славянский конгресс «новым изданием Вартбургского празднества»⁷. Действительно, «братья-славяне» в красных шароварах, фиолетовых и белых мантиях, чешские дамы в костюмах амазонок—в белых платьях, с пистолетами за краснобелосиними поясами—очень напоми-

² Материалы для биографии М. Бакунина. Гиз. Т. I. 1923, стр. 49, 146, 182.

³ Там же, стр. 26.

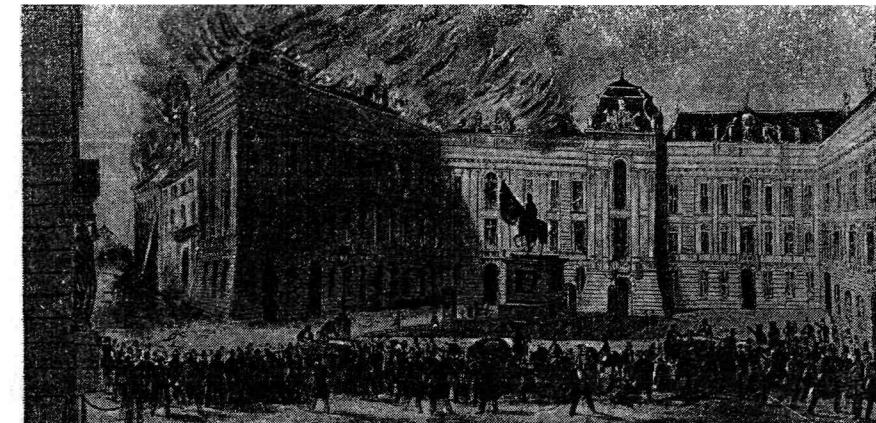
⁴ Там же, стр. 20.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. I (VI), стр. 191—192. Партиздат. 1932. Письмо Каутскому от 7 февраля 1882 года.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 218.

¹ Письмо Н. Жуковскому. «Минувшие годы» за октябрь 1908 года. Цитировано у В. Полонского «Бакунин». Т. I, стр. 415. Гиз. 1925.

Пожар в Вене в дни революции. 1848 год.

нали героев тевтонского движения, возрождавших эпоху и нравы первобытных лесов. Но за их спиной уже стоял жандарм, расстреливающий европейскую революцию...

5

Известия о революции в Пруссии и Австрии породили глубокое беспокойство и тревогу в царском дворце. Николай I был вне себя от мысли, что прусский король заигрывает с революцией и отступает перед ней. «Прусское владычество в Германии,—пишет он Паскевичу,—способ революционных правил. Австрия же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости последствиям своей революции»¹. Когда прусский генерал Дона, присутствовавший на русских маневрах, поздравил Николая с прекрасным видом солдат, царь быстро ответил: «Они вам нравятся? Так я даю вам их! Возьмите их, идите на Берлин и освободите короля!»².

И когда почва под ногами у прусского короля начала колебаться, он запрашивает Николая: «Если я буду принужден оставить Берлин ввиду общего восстания, придете ли вы мне

¹ Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII, стр. 376—378. СПБ. 1888.

² Лависс и Рамбо. История XIX века. Т. V, стр. 68. М. 1906.

на помощь?» Николай ответил: «Если когда-нибудь под старое прусское знамя опять встанут старые пруссаки, но не немцы под знаменем баррикад, русский орел будет возле него. Русская армия восстановит Пруссию, какой она была в славные дни царствования ваших предков». Понявший смысл этого заявления, король заменил кабинет Ганземана еще более реакционным кабинетом Бранденбурга и на ближайшем дворцовом празднике произнес по-русски тост за здоровье Николая.

В Вене тоже «ждут слова императора как настоящего якоря спасения» (депеша русского поверенного в делах, Фонтона, в начале февраля 1848 года), и Николай выступил на защиту монархии Габсбургов от революционной бури. В Вену поехал генерал Берг, венский кабинет получил ссуду в 6 миллионов рублей (январь 1848 года), Виндишгрецу была обещана помощь. В мае 1848 года в Варшаве произошло свидание Николая с австрийским императором. Вслед за этим корпус прусских войск, которым еще ранее по случаю «сверхурочной» работы была установлена повышенная дача говядины и водки (пять порций в неделю), вторгся в Венгрию и после ожесточенных боев подавил венгерскую революцию.

Все более очевидная главенствующая роль русского царизма в лагере европейской феодальной реакции и

упорная панславистская пропаганда русских агентов в славянских провинциях навела хорватскую группу Елаича на мысль о возможном содействии со стороны России в ее «борьбе с мадьярским притеснением». В июле 1848 года кроатская депутация прибыла к Фонтону. «Как частное лицо» он дал им дружеский совет — «не надеяться на помощь России, политика которой проникнута мыслью охранять неприкословенность австрийской монархии и благо ее династии». Елаич понял, что в борьбе с революцией интересы царизма требуют прежде всего восстановления прежних порядков Австрии. После падения Милана, ободравшего реакцию, Елаич перешел в наступление. «...Только теперь окончательно состоялся великий союз контр-революции с австрийскими славянами»¹.

25 августа Елаич об'явил войну революционной Венгрии.

«Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы об'единились против

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 92.

революции... Славяне остались безгласными, немцы и мадьяры... стали во главе движения. Благодаря этому славяне были брошены в об'ятия контрреволюции»².

17 июня десятитысячный отряд сербов напал на венгров при О-Кесе; началось восстание в Банате и Беске. Сербы получили оружие от правительства. Отряд словаков под командой Гуроана тоже действовал против венгров. Генерал Суппликач преобразовал в сентябре отряд в императорский вспомогательный корпус. 7 октября император переехал из ненадежного Инсбрука в Ольмюц, к славянам. Сербы-лужичане (в Саксонии) образовали сербский полк и приняли участие в подавлении майского дрезденского восстания. Хорваты под предводительством Елаича разгромили восставшую Вену и совместно с царской армией подавили венгерскую революцию; 2 октября капитуляция Коморна завершила кровавую эпопею подвигов отрядов Елаича.

Уже та черная роль, которую сыграли южные славяне при подавлении венского восстания (30—31 октября), вызвала немалое замешательство в

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

Отступление революционной венгерской армии под натиском войск Николая I.

демократическом крыле панславистов. «Даже чешские фанатики в Праге, неофиты «Slowenska lipa» («Славянской липы»), — писал о них Маркс, — очнулись от своих пустых грез и выскакали за Вену против императорского Живодера...»¹. Бакунин писал, вспоминая об этом периоде: «Война бана Елаича в Венгрии казалась славянской войной, была предпринята как будто бы только для того, чтобы защитить словаков и южных славян от нестерпимых притязаний мадьяр, в сущности же эта война была началом австрийской реакции. Я был в сильном сомнении: не знал кому симпатизировать...»

Бакунин, наконец, «прозрел». Он написал «Воззвание к славянам»: «Вы, сбитые с толку, обратились против революции и пристали к своему заклятому опаснейшему врагу, к династической политике и деспотизму. Нашего же естественного друга и союзника, демократию, вы оставили в Вене страдать и нести наказание за нас... Из всех опасностей, которые угрожают вам вот уже год, самая большая та, которой прозит вам Николай. Славяне, разбейте русскую армию!» Но было уже поздно. «Негодяи» провели за нос «фантазеров»; чехи и

южные славяне сыграли до конца свою роль форпостов абсолютизма в Европе.

«Они надеялись, — писал один славянофил 70-х годов, — что Австрия по восстановлении мира признает их, как она признала их и кланялась им во время войны»². Однако все дарованные «милости» были скоро отобраны. Конституция 4 марта 1849 года, обещавшая словенцам образование Иллирии, была отменена. 40 тысяч словенцев передано в управление итальянским властям, 100 тысяч — венгерским. Все национальные организации словаков разгромлены; «Матице» император покертовал 2 тысячи крон «наградных». У хорватов все «льготы» были отобраны в 1856 году; чиновники-хорваты заменены немцами. Славянские провинции были обложены налогом в виде «национального займа», впятеро большим чем до 1848 года. В 60-х годах были закрыты все чешские и славянские газеты. В 1867 году, когда империя стала дуалистической (Австро-Венгрией), каждому государству было дано несколько «неполноправных» народов: немцам — чехи, южные славяне и поляки (которым, в свою очередь, подчинялись русины); мадьярам — словаки, немцы, ру-

Правительственные войска подавляют октябрьское восстание рабочих в Вене. 1848 год.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 493.

² А. Гильфердинг. Соч. Т. II, стр. 11.

мыны, хорваты (последним подчинялись сербы). Всцарила система австро-итальянского министра Бейста, который говорил венгерскому министру: «Ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь»¹.

В 70-х годах один русский этнограф записал в Галиции такую песню о 48-м году:

«Шоб були удеяли наши сапоньеры,
Як не був прислав москаль свои
каноньеры.
Як яли у Комарне кульками
свистати,
Зачалися у Комарне муры
разсыпать.
А як вышов старый Венгер и впав
на колена,
А даруйте, люди добри, дам бутель-
ку вина.
Мы не пришли, ты, Кошуте, твоё
вино пить,
А пришли мы, ты, Кошуте, твоё
житъе взяти.
Перебилимъ-гай! Кошута, ше кабы
то и Бема,
Тогда бы нам — гей! — камраты —
щастлива година...»

Обещаниями «щастливой годины» «москаль» поднял и повел против венгерской революции славянских крестьян, ставших отрядом реакционного народа.

6

Маркс был в 1848 году против национального движения чехов и южных славян. Не противоречила ли эта его позиция, казалось бы, обязательной для Маркса и марксистов поддержке национально-освободительной борьбы?

«Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном»². «В противовес мелко-буржуазным демократам, Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолют, а историческое выражение борь-

бы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противополагать его остальным — в корне неверно теоретически», — писал Ленин³. Отсюда вытекает, что «несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»⁴. Чем же определяется революционность того или иного национального движения? «Прогрессивно, — писал Ленин, — пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда бывает у слов на языках для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариата не может... Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще — безусловно нет». «Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации»⁵.

Определение конкретной позиции пролетариата зависит, далее, от уровня общественного развития той или иной страны. «Положим, — писал Ленин.

¹ См. И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 121. Партиздан. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 285.

ни, — две страны воюют между собой в эпоху буржуазных, национальных и освободительных движений. Каждой стране желать успеха с точки зрения современной демократии? Ясно, что той, успех которой сильнее подтолкнет и более бурно разовьет освободительное движение буржуазии, сильнее подорвет феодализм»⁶.

Нельзя считать революцией, говорил товарищ Сталин, игрушечные восстания одних племен против других, какие бывают иногда, скажем, в Албании.

Итак, Маркс и Ленин придавали подчиненное значение национальному вопросу по сравнению с «рабочим вопросом». «Интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»⁷. «Если, — приводил пример Ленин, — ...несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а другие народы окажутся главными столпами буржуазной реакции, — мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпости, какие бы мелконациональные движения здесь ни выдвигались»⁸.

Маркс и Энгельс учили рассматривать каждое национальное движение в общеевропейском («теперь следует сказать общемировом», добавляет Ленин) масштабе, а не изолированно. «О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда дело идет о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончается все национальные вопросы»⁹, — писал Энгельс в 1849 году. «Интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций», — говорил Ленин¹⁰.

Неправильно думать, что Маркс и Энгельс в 1848 году рассматривали

Россию как по самой природе своей «контр-революционную силу». Русские «...еще далеки от революции и потому, по крайней мере временно, еще контрол-революционны»¹¹, — писал Энгельс.

Маркс не считал и славян по природе реакционными. Ленин подчеркивал, что в 40-х годах XIX века были налицо особые обстоятельства, выделяющие революционно-демократические и реакционные нации, а именно полоса буржуазных революций в феодальных странах под лозунгом национального освобождения. Определение нации как реакционной не вытекало из ее прошлого, а решалось в борьбе. «Тогда (1848—1871), — говорил Ленин, — мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма»¹². Борьбой решался вопрос о том, чьим союзником они окажутся.

Неправильно толковать положение Маркса о революционных и реакционных народах в таком смысле, что он якобы имел в виду только господствующие классы. Нет. «Тогда революционно, — как указывает Ленин, разбирая вопрос о Польше, — была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»¹³. А реакционной оказалась не только помещичья верхушка южных славян, но и крестьянская масса, хотя Энгельс вместе с тем отмечал, что «...среди образованных южных славян существовала маленькая демократическая партия, которая, не отказываясь от своей национальности, хотела отдать ее борьбу за свободу»¹⁴. Но только тогда, когда после свержения царизма национальные устремления этих карликовых народов освободятся от связи с панславистскими тенденциями к мировому владычеству, только тогда, по мнению Маркса и Энгельса, их борьба сможет принять революционный характер.

В 1853 году, в изменившихся условиях, Маркс по-новому ставит вопрос

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 207.

⁷ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 259.

⁸ Ленин. Соч. Т. V, стр. 340.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 279.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 257.

³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 42.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 46. 10-е изд. Партиздат. 1934.

⁵ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 145, 146 и 439.

о Сербии. «Южные славяне, — указывает он, — ... еще, правда, не образовали нации, но в Сербии уже имеется сильное и сравнительно образованное ядро нации... Чем больше укрепляется Сербия и сербская национальность, тем больше оттесняется на задний план непосредственное влияние России на турецких славян»¹. Позднее, в 1892 году, в новой исторической обстановке Энгельс пишет Адлеру о Чехии: «...мы всецело заинтересованы в том, чтобы не допустить того, чтобы тут возникло младо-чешско-русское панславистское гнездо. И если они смогут получить от нас все, что относится к национальной автономии на чешской земле... то в этом нет никакой опасности»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 395 и 396.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 397. Соцэкиз. 1931.

Позиция Маркса—Энгельса в вопросе о южных славянах является блестящим образцом применения конкретно-исторического подхода, образцом стратегии и тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции в период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Россия, бывшая в царствование Николая I главным оплотом реакции в Европе, душителем народных революций, стала великим Советским союзом, оплотом мира и свободы, оплотом дружбы народов, защиты национальной независимости. Малые народы Восточной Европы тянутся к Советскому союзу, видя в нем своего верного друга и защитника. «В современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям»³.

³ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 290.

